

О, весна без конца и без краю-
Без конца и без краю мечта!
Узнаю тебя, жизнь! Принимаю!
И приветствую звоном щита.
Принимаю тебя, неудача!
И удача, тебе мой привет!
В заколдованной области плача,
В тайне смеха – позорного нет!
/ А. Блок /

После сытного ужина Вася Терехов сел перед телевизором и стал смотреть чемпионат мира по хоккею, но любимая игра не занимала его, все мысли сосредоточились на отпуске. Новость обрушилась на голову Василия внезапно, как апрельский снег. Шеф, автомобилем которого умело управлял Терехов, изволил отбыть в райское место вместе с женой. Накануне отъезда начальство пребывало в прекрасном расположении духа, желая отдать всем «сестрам по серьгам», а особенно одарить ближнего меньшого брата, коим являлся бессменный водитель Василий, внеурочным оплачиваемым отпуском на две недели.

Терехов моментально привел весомый аргумент, сославшись на необходимость уделить внимание личному авто шефа, но тот отмахнулся, мысленно пребывая на острове со странным названием, которое Васька не запомнил по ненадобности. Дальше дачного участка тещи, расположенного в двадцати километрах от города, он не выезжал.

Из-за этого участка Василий и старался избежать «нахлынувшего счастья», желая «сгореть» на работе...

Заброшенная нашим капитаном Алексеем Морозовым шайба в ворота соперника оторвала хозяина дома от грустных мыслей. Он захлопал в ладоши, засучил ножками, подымая их над полом, как заправский физкультурник, прокричал троекратное «Ура!» и... вернулся к размышлениям. Если бы в апреле было не тридцать дней, а, хотя бы, на один больше, - думал Васька, не сводя взгляда с экрана телевизора, - то можно за добавочные сутки сочинить историю, которая избавила меня от рабского труда на даче незабвенной тещи. Теща звалась Марьяной Михайловной Медведевой. Или просто «МММ», как окрестил ее про себя «лентяй» зять, отлынивающий от садово-огороднической повинности.

А еще лучше, чтобы наступило тридцать первое апреля и никогда не заканчивалось, - мысленно рассуждал Терехов. – Как в той песне про вечную весну, только у меня будет вечный апрель. – Он покосился на жену, усердно водящую утюгом по простыне и одновременно изучающую природу за окном. – Не иначе колдует, чтобы завтра была солнечная погода, - нахмурился муж, а вслух поинтересовался, добавив приторной елейности в голос: - Маш, а если завтра пойдет дождь, мы все равно поедим в Клюквино к Марьяне Михайловне?

- Все равно, - безучастно ответила жена, продолжая автоматические действия с утюгом.

- Но мы от электрички по грязи не доползем до дома тещи.

- Доползем. – односложно заметила Маша, но потом опомнилась, оторвалась от созерцания деревьев с липкими листочками за окном и заявила, - увильнуть не удастся! Тебя не спасут ни проливные дожди, ни ядерная война. Ни события в Ливии. – с умным видом добавила она.

- При чем здесь Ливия? - передернул худыми плечиками Терехов. Жена не удостоила его ни взглядом, ни ответом, продолжая водить утюгом по белью. В ее больших руках утюг выглядел детским, муж покосился на крепышку Марию, представил, как средство для

глажения опуститься на его макушку в случае, если поток красноречия не иссякнет, и недовольно смолк.

Каждую весну на жену накатывала волна недовольства собой и мужем, в первую очередь собой. Мадам Терехова хотела родить ребенка, не просто хотела, а мучительно желала, чтобы на свет появился третий член семьи. Почему недовольство появлялось с первыми теплыми днями? Да потому, что одновременно с пробуждением от спячки природы из всех щелей выползали подростки за зиму малыши, освобождались от «космических скафандров», в которых они еле передвигались, и весело семенили по тротуарам, вызывая умиление на лицах прохожих. У Марии к умилению прибавлялась досада. Десять лет она бегала по врачам, водила за ручку Василия, медицинские светила обследовали супругов и не находили причин бездетности.

Глядя на румяную красавицу Марию Терехову, не могло возникнуть мысли, что она мучается от страшного недуга. Женщина была из разряда тех пышек с приятными глазу формами, к которым благоволили известные художники и мужчины «карманных» размеров, как жена окрестила Василия и ему подобных, чей рост составлял не более ста семидесяти, а вес не превосходил цифры шестьдесят. Она с легкостью могла взять мужа на руки и нести от электрички до дома своей дородной мамы, которая статью и силой превосходила дочь. Зачем им в качестве рабочей силы сдался «карманный» Терехов оставалось загадкой.

Надо признать, что Вася жену любил. По – настоящему. Любил обхватить ее руками, ткнуться носом в пышное плечо, лежать и мечтать. Любил чмокать ее в щеку, любил, когда она обнимает его со всею неженскою силою, от которой возникает ломота в ребрах и перехватывает дыхание. Но он не любил, когда на Машу накатывает грусть. Как сегодня. Причина ему была ясна – жена шла с работы через двор, усеянный гомонящими малышами, растеребила веселым праздником жизни, куда ей был закрыт вход, свою неугомонную душу и теперь погрузилась в себя, выискивая новые ходы для решения проблемы.

Терехов боялся услышать заявление, которое повергнет его в ступор, похожий на игру «да и нет не говорите». Мария как-то обронила невзначай, что детские дома перегружены отказниками. И все. Не клеймила мамаш, решившихся на такой поступок, не смотрела на мужа, сглатывая ком в горле, не спрашивала его мнения на это счет, хотя, любила порассуждать, не в одиночку, а с «подключением» неразговорчивого супруга, любившего больше рассказывать о новинках на рынке отечественного и зарубежного автомобилестроения. Жена терпеливо выслушивала его монолог, когда докладчик сбивался с привычного эйфорийного тона, она считала возможным вклинуться и свернуть разговор в нужную ей колею. Каждый раз Вася ждал новых намеков, но они не поступали. Он не желал воспитывать чужого ребенка, но боялся сказать об этом жене. Сам не знал, почему и не знал, какие приводить доводы, если настанет момент ответа на осторожный вопрос. Пока все оставалось по-прежнему...

Мария Терехова была всесторонне развитой личностью. Могла философствовать на темы из неродственных областей, и любой слушатель принимал ее за всезнайку с несколькими высшими образованиями, колеблющимися между двумя граничными точками – гуманитарным и техническим. На самом деле гражданка Терехова окончила Педагогический институт и не имела ни дня стажа работы. После замужества решила пополнить ряды домохозяек, пребывая в ожидании беременности. Ожидание затянулось, Маша задумалась о работе, способной отвлечь от невеселых дум и устроилась администратором в элитный спорт-клуб. Ее внешность вызывала доверие у граждан и заверяла в необходимости регулярных занятий спортом. Сама Терехова, в девичестве Медведева, с младых лет кочевала из одной секции в другую, пока не остановилась на модном в то время карате. Но вскоре охладела, желающих стать ее спарринг-партнером становилось все меньше. К тому же девушка с завидной фигурой все больше склонялась к

более спокойному времяпровождению, дающему питание мозгу, к чтению. Она читала везде: в общественном транспорте, на лекциях, за обедом, украдкой на работе, сочетала любимое занятие с приготовлением ужина и другими домашними делами.

Вот и сейчас перед Тереховой лежала раскрытая на столе газета, возле которого пристроилась гладильная доска, но внимание ее перенеслось во двор, где сочеталось многоголосье детворы и прилетевших с юга птиц.

Муж созерцал «кислое» лицо жены и вздыхал. Но желание ехать в Клюквино все равно не возникло.

- Машуня, почему бы нам не отправиться завтра в парк, поесть мороженое, покататься на теплоходе?

- Все будут с детьми, а мы... - Мария закусила губу и еще ожесточеннее стала водить по белью.

- Поэтому надо спрятаться в Клюквино и пахать, пахать, как негры на плантации.

- Можешь не ехать, - еле слышно заметила жена.

- Представляю, что скажет моя дорогая теща.

- Тебя интересует ее мнение?

- Я его знаю. И что самое обидное, оно не меняется по мере частоты посещения ее дома в деревне.

- Конечно, - возмутилась Маша, позабыв на время о своих переживаниях, - ты больше гуляешь, чем работаешь.

- Я не гуляю, я хожу на рыбалку!

- Я тебя умоляю! Какая рыбалка в луже размером с нашу ванну?!

- Это ты зря! – возмутился Васька и подхватился с насиженного места. - Это озерцо средних размеров, и в нем водится рыба.

- Что ты говоришь?! – жена поставила утюг на металлическое основание и впиалась кулаками в пышные бока. – Почему же я не видела улова?

- Как не видела? – опешил Василий. – В прошлом году я поймал карася...

- У меня не было с собой лупы, чтобы его рассмотреть.

- Поэтому ты сломала мои снасти?

- Не вижу связи. – глаза у жены забегали, словно вдруг возникла необходимость визуальной оценки потолка и стен.

- Или это сделала «МММ»?

- Не называй мою маму аббревиатурой финансовой пирамиды!

- Да она хуже Мавроди! – с вызовом произнес Терехов. – К нему люди шли по своей воле, а к ней... по принуждению. Она рабовладелец!

- Смотрите на этого замученного раба! Перетрудился бедняга!

- Да, представь себе, перетрудился! – не сдавался муж, над которым нависла сердитая супруга, превосходящая в росте примерно на полголовы. – Думаешь, я кручу баранку и все? А легко быть привязанным к одному месту? Сидеть и ждать, когда его Величество соизволит отправиться домой. В лучшем случае. А в худшем поедет на деловой ужин, который затянется на неопределенное время.

Мария к нелегкой работе Василия относилась с пониманием, не ругала его по разному поводу, хотя, поводов было предостаточно. Возвращение домой «ночь-полночь» ее не тяготило. Она терпеливо дожидалась мужа с книгой в руках, разогревала ужин, наливала до краев ванну с пахучей пеной и отправлялась спать, не укорив его ни словом, ни недоверчивым взглядом.

- У нас все на доверии, - говорила она матери, желающей «разобраться в ночных прогулках» зятя.

Та продолжала бубнить и призывать дочь к решительным действиям.

- Насильно мил не будешь, - отмахивалась Маша. – Если Вася полюбит другую женщину, я препятствовать не стану.

Терехову нравился такой подход. Но доверием он дорожил. Да, и представить на месте мягкой женушки худосочную девицу с длинными ногами – палочками, он не желал. И не хотел никого, кроме Машеньки.

Любая перепалка в их семье заканчивалась раскаянием одного из супругов. Или обоих сразу. Вот и теперь, Васька уткнулся лбом в плечо жены, потерся, неловко куснул, заигрывая, та оттаяла, хмыкнула, удивилась своей невоздержанности и произнесла фразу, заставившую мужа позабыть о желании изменить календарь.

- Васенька, если ты не хочешь ехать в Клюквино, давай не поедem. Прогуляемcя по парку, поедим мороженое... - и в едва просветлевшем взоре снова появилась печаль.

- Что ты, что ты! – испугался Терехов. – Никак нельзя не ехать! Марьяна Михайловна обидится, станет пилить тебя.

- Пусть пилит. Я не трухлявое дерево, я все вынесу. Лишь бы тебе было комфортно.

- Мне всегда комфортно рядом с тобой...

Если бы Василий знал, какой сюрприз готовит ему поездка в Клюквино, то махнул рукой на «МММ» и на ее способность к распилке человека без вспомогательных средств.

Марьяна Медведева не любила весь мужской род. Причиной нелюбви был не лентяй зять, он был следствием, основным зачинщиком вдруг возникшего горячего чувства был бывший муж Михаил. Так она говорила, а что на самом деле творилось в ее душе, оставалось тайной.

Пять лет назад Медведевы купили домик в деревне Клюквино. Облагородили его, посадили цветы, несколько деревьев и уважаемые хозяйкой помидоры. Что еще нужно для полного счастья двум пенсионерам, вполне подвижным и не ждущим стакана воды в лежачем состоянии? Внука или внучку, которые будут бегать по выложенным дедом дорожкам и спать под навесом на мягкой перине в жаркие летние часы. Так считала Марьяна Михайловна, и ее мнение, как оказалось, резко отличалось от мнения Михаила Ильича, которому редкая седина ударила в лохматую шевелюру, а бес впился в ребро, причем неединожды.

Об этом недогадливая супруга узнала случайно, когда не ко времени вернулась в свой дом из города, где гостила у дочери. Мужчина не рассчитывал на ранний приезд жены и пригласил в гости соседку, тридцати пятилетнюю Клавдию, на которую обратил внимание еще при покупке дома. Клава внимательно изучала нового соседа, игнорируя его властную жену, приткнув локти на щелевой забор и накручивая на палец светло – русый локон. В это момент и нанес первый удар бес.

Уже через два месяца, которые вылились для Михаила в два года страданий, Клавдия согласилась заглянуть на огонек. Чаепитие не заняло много времени, шестидесятилетний мужчина позабыл о возрасте и воспыал невиданной до сей поры страстью. Соседка была благосклонна...

В самый ответственный момент дверь распахнулась, и очам законной супруги престала картина распутства.

Скорая на расправу Марьяна Михайловна выгнала из дома потерявшего доверие супруга и ее любовницу. В душе женщина надеялась, что муж раскается и станет молить о пощаде, но тот недовольно скривился, услышав нелицеприятные и непечатные выражения, прихватил имущество и отбыл в соседний дом.

Перед покинутой женой встал вопрос: Как жить дальше?

Она не боялась пересудов и сплетен, не боялась быть посмешищем в глазах односельчан. Марьяна не желала мучиться ревностью, когда бывший супруг, с которым прожито более тридцати лет, станет расхаживать перед ее домом под руку с новой спутницей жизни, изображая счастье в сочетании с пришедшей второй молодостью...

Но боялась она напрасно. С того самого дня, резко перевернувшего жизнь Марьяны Михайловны, изменник исчез из деревни, прихватив с собой любовницу. Куда пропали два человека, один из которых был старожилом Клюквино, а другой оставил на память свою вторую половину, для всех осталось загадкой. Но деревня погудела, как улей, да и забыла. На радость брошенной супруге.

Увы, но после тридцатого апреля всегда наступает первое мая, когда «утро красит нежным цветом стены древнего Кремля», а страна не изволяет нежиться, а встает с рассветом и едет отбывать трудовую повинность.

Бурная ночь сблизила супругов еще сильнее, но не отметила намеченных планов. Мария сама уговаривала Василия «бросить все к чертовой матери», но упоминание родительницы черта сподвигло молодого мужчину прихватить подарки для своей тещи и отправиться на Пригородный Вокзал, с которого отправлялась электричка на Клюквино. Всю дорогу он мысленно пририсовывал рожки к голове Медведевой, по мере приближения они выросли до гигантских размеров, но Васька стер видение из памяти, посчитав кощунственным наслаждаться рогатой головой обманутой мужем женщины.

В электричке Терехова не отрывалась от книги. На этот раз ее внимание захватила «Анна Каренина». Васька косился на жену и удивлялся, как можно читать Льва Толстого без принуждения! Вася вспомнил то время, когда ему выпало «счастье» рассказывать на уроке литературы о нелегкой судьбе главной героини. Нерадивый ученик умудрился выхватить из текста нужные места, избегая полного прочтения классического произведения, и получил «четверку». Маша говорила, что в школе она воспринимала все иначе и уговаривала мужа перечитать «Анну Каренину», чтобы обсудить на досуге. Василий недовольно покосился на книгу в восьми частях и отложил перечитку до лучших времен, надеясь, что такие времена настанут не скоро. На радость Терехову его жена не была занудой: ну, не хочет, и ладно...

На станции народ вывалил из вагонов дружной толпой, словно прибыл на демонстрацию по случаю празднования праздника весны и труда. Это в Советские времена все шагали в колоннах с цветами в руках и приветствовали предводителей, теперь от праздника осталась вторая половина – трудовая.

Васька снова приуныл, вспомнив вчерашние размышления про тридцать первое апреля...

Когда Тереховы распахнули калитку, из дома выплыла столбовая дворянка по имени Марьяна и выразительно посмотрела на наручные часы, показывая, что работники припозднились. Заметив радостное лицо дочери, она сменила гнев на милость и позволила троекратно облобызать себя. Посчитав торжественную часть законченной, Медведева перешла к делу и рассказала о планах на грядущие дни.

Василий с тоской смотрел в сторону, где должно быть озеро с резвящейся рыбой гигантских размеров, которая не желала насаживаться на крючок. Как он не боялся узурпаторши тещи, но новые снасти с собой прихватил...

Марьяна Михайловна с восторгом рассказала, что житель деревни по имени Толян, прозванный в народе Придурком, указал место на приусадебном участке, где должна быть вода. Теперь зять должен стать землекопом и рыть землю до тех пор, пока не забьет фонтан чистой родниковой воды. И будет заложен колодец! А к нему табличка, что сия работа выполнена золотыми руками любимого зятя.

- Зачем тебе колодец? – спросила дочь, поглядывая на поникшего мужа, - у тебя водопровод.

- Как зачем? Разве можно сравнить чистойшую воду из недр земли с той, что течет из крана?

- Это раньше она была чистойшей, а сейчас разная химия до земного ядра добралась, - весело заметил Василий, не желающий закопаться на глубине нескольких метров, деле копательные работы будут приостановлены. И пусть «МММ», хоть, треснет!

- Можно вызвать людей со спецтехникой, которые пробурят скважину в указанном месте,
  - с умным видом заявила Мария.
  - И что они сделают своей техникой с моим садом?
  - Ясно, - невесело вздохнул зять и взял в руки лопату.
  - Мам, а как Придурок определил, что в этом месте есть подземные воды?
  - Он не Придурок, его зовут Анатолий! И он очень интересный человек! Он пришел с лозой и долго ходил по участку, в одном месте лоза начала двигаться, и...
  - О, чудо, произнес интересный человек по имени Анатолий, здесь живой родник, способный излечить от всех недугов! – с сарказмом воскликнул Васька, который мысленно клял человека с причудами и женщину, безоговорочно верящему ему. У зятя родилась мысль, что теща заранее готовится к его приезду, приглашает местного сумасшедшего, внимательно слушает его бредовые идеи, сама не доверяя им, но все делает для того, чтобы загрузить делами, которые в принципе невозможно исполнить.
- Мария развела руками, показывая, что спорить с матерью бесполезно, и шепнула мужу.
- Ты особо не напрягайся, я тебя позже сменю. – и пошла к дому, где ей предстояло сделать генеральную уборку.

- Маш, - остановил ее супруг, - ты себя береги, тяжести не поднимай.

Жена улыбнулась и скрылась в доме.

Теща пожертвовала парой малиновых кустов, посаженных три года назад и не успевших принести плоды. Васька выкорчевал кусты, очертил лопатой место раскопок, поделовому поплевал на ладони и принялся за дело, не забывая напутствие жены.

Несколько раз появлялась Маша с кружкой компота или чая с бутербродом. Во время перерыва они присаживались на маленькие скамеечки, Василий перекусывал, а жена сидела, прильнув к его плечу. Идиллия продолжалась до тех пор, пока не появлялась Марьяна Михайловна. Она кружила вокруг дочери и зятя, как коршун, выскивающий добычу, хваталась то за одно, то за другое, делая вид, что работы не в проворот, и рассиживаться могут только лентяи. Кто здесь лентяй, говорил косой взгляд женщины.

Ближе к обеду, когда глубина ямы превысила метр, лопата уперлась в твердый предмет. Василий постарался осторожно снять тонкий пласт земли, желая разобраться, что является помехой.

- Мать честная! – Терехов подпрыгнул, сел на край ямы и вытер рукавом рубахи влажный лоб.

Помехой были останки человека. И не одного. Уже после Василий понял, что под малиновым кустом были погребены два человека...

Местные жители облепили забор, как в урожайный год яблоки ветви дерева.

Участковый вызвал следователя районного следственного отдела, а тот по цепочке - представителя Областного бюро судебно-медицинской экспертизы для установления, кто и когда был захоронен во дворе дома Марьяны Михайловны Медведевой.

Пока поджидали специалиста, представители из районных органов правопорядка занимались раскопками, напоминающими нелегкий труд археологов. Хозяева, молча, наблюдали издали. В это время в доме проходил допрос местного сумасшедшего по имени Анатолий. Мужчина средних лет с безумными глазами и редкими космами на голове, в которой ежеминутно рождались идеи одна другой гениальнее, утомлял следователя долгим рассказом о выявлении подземных вод с помощью лозы.

После допроса хозяйки следователь решил, что упомянутый Анатолий Кролл несколько лет назад совершил убийство двух человек, не выдержал и указал на место захоронения, как на возможное для устройства колодца. Для чего? Чтобы подставить хозяйку дома? Или чтобы похоронить убитых по-христиански? Откуда вдруг такая добродетель?..

Когда на разложенном возле ямы брезенте появились останки людей, Марьяна сначала прищурилась, затем приложила руку к губам, заглушая рвущееся наружу восклицание.

- Что случилось, мама? – Маша придвинулась к матери, обняла ее за плечи и попыталась заглянуть в глаза. В них был ужас и... страх. Такой она ее никогда не видела.

- Там... Там, - женщина протянула дрожащую руку в сторону копошащихся людей.

- Что там? – Терехова обратила взгляд в сторону мужа, ожидая поддержки. Тот встал и направился к яме, над которой недавно трудился. Теперь она приняла другие размеры и стала походить на могилу, а не на квадрат для колодца.

Никто не обратил на него внимания. Василий постоял несколько минут и вернулся к притихшим женщинам.

- Ну? – подтолкнула к рассказу жена.

- Судя по одежде, это мужчина и женщина, - промямлил он.

- У него рубаша в клетку, как у Миши, - задушено произнесла Марьяна, неотрывно глядя на брезент.

- Мало ли рубашек в клетку, - возразил без напора Терехов.

- Нет, такая только у Миши. Вы ему на день рождения подарили. Незадолго до того, как он... ушел. Он ее в тот же вечер надорвал возле нагрудного кармана... Васенька, пойдешь, глянь...

Никогда он не был Васенькой. И никогда не слышал просящего голоса тещи. Поэтому беспрекословно отправился исполнять просьбу. Не приказ командира, а просьбу испуганной женщины.

Одежда, хоть, и истлела, но сохранилась лучше, чем люди, которые ее носили при жизни.

Рядом с ними на брезенте лежал медальон, прикрепленный к растянувшейся змейкой цепочке.

Этот медальон Вася хорошо знал. Он принадлежал его тестю – Михаилу Ильичу Медведеву. Он делал его на заказ у знакомого ювелира из серебряной монеты. Это была таблетка с его инициалами «М» и «М», расположенными одна над другой, буквы будто везжали друг в друга...

Дело приняло новый оборот. Участковый сразу вспомнил давнюю историю об измене, об исчезновении неверного супруга мадам Медведевой и его любовницы. Оставалось определить, сколько времени в земле пролежали трупы и являются ли они пропавшими почти пять лет назад Михаилом Ильичом Медведевым и Клавдией Викторовной Перивертайло. На вопрос следователя, почему не заведено дело об их исчезновении, участковый заявил, что не было подано заявление. Обманутая супруга думала, что муж попросту сбежал с соседкой, а у соседки родственников, желающих узнать о ее судьбе, не нашлось.

- А в доме Клавдии Викторовны кто проживает? – поинтересовался следок.

- Никто! Стоит закрытый, ждет хозяйку... - участковый покосился на брезент. – Ну, я думал, что ждет. Дверь закрыта, ставни тоже... Я решил, она спешно уехала, чтобы мужик не передумал и не вернулся к законной супруге... Иногда заглядывает ее подруга Зинка, она теперь в городе живет. Дом Клавдии для нее, как дача. Я однажды спросил у нее про хозяйку, а она сказала, будто та ей позвонила перед отъездом и просила приглядеть за домом. - он сдвинул фуражку на лоб и почесал затылок. – Несчастливая была Клавдия. И симпатичная и фигуристая, да только замуж так и не вышла.

Разговор был прерван приехавшим из города представителем бюро судебно-медицинской экспертизы, представившимся капитаном Забиякой.

- Это фамилия такая, - резко заявил он, заметив приоткрытые в удивлении рты.

Смешная фамилия ненадолго затмила сенсационную деревенскую новость. Местные жители с интересом следили за каждым движением Забияки, может, ожидали «ужимок и прыжков»? Но не дождалась ни драки, ни ссоры, и переключились на действия человека со странной фамилией, совершенно неподходящей его профессии и серьезному виду. Представитель судебно-медицинской экспертизы, оказавшимся молодым парнем около

тридцати и объявившим, что его можно величать Артуром Ивановичем, развеял кипучую деятельность, организовал перенос останков в автомобиль, на котором он прибыл.

- А что ты мне, Матвей Степаныч, можешь рассказать о хозяйке дома? – обратился следователь районного следственного отдела к участковому, провожая взглядом тяжелую машину судебно-медицинской экспертизы, переваливающуюся по неровной дороге.

- О Марьяне Михалне? – спросил мужчина, мысленно проклиная свалившиеся на его голову проблемы. Сейчас бы сидеть с удочкой на берегу... - Гром – баба! – заявил он, вспомнив рассказы зятя, с которым они не раз сидели на берегу озера. Васька не то, чтобы жалился, в так, ронял фразу невзначай, вот, мол, сейчас вернусь, а теща задаст... Будто она не теща, а мать родная, а он не женатый мужчина с уважаемой профессией, а двенадцатилетний пацан, страдающий от ига этой самой мамыши.

- То есть, гражданка Медведева могла отомстить мужу и его любовнице за нанесенную обиду?

Матвей Степанович понял, куда клонит следак, и призадумался.

- Я понимаю, пока не установлено, чьи останки найдены на участке Марьяны Михайловны? – снова заговорил следователь, не дождавшись ответа. – Может, медальон случайно оказался в яме.

- Может, и случайно, – вздохнул участковый, думая об одном, как он вернется домой, снимет китель и сядет на веранде с бутылкой пива. – Гражданка Медведева... женщина бойкая и острая на язык. Но это не значит, что она могла пойти на убийство... -

Следователь вдруг сжалился над немолодым участковым. Или себя пожалел, взял с Медведевой подписку о невыезде и укатил, шепнув Матвею на ухо, что не будет дожидаться заключения экспертизы, а уже завтра возьмет вдовушку в оборот.

Всю ночь Марьяна провела без сна. Она лежала с открытыми глазами в крошечной тьме и вспоминала события пятилетней давности. Сначала она строила планы мести, затем ждала возвращения блудного мужа и его раскаяния. Вот он входит, падает на колени, обхватывает сильными руками ее бедра и молит о прощении. А она стоит с гордо поднятой головой и... вдруг замечает краем глаза, как он осунулся, похудел, постарел. Марьяна хочет съязвить, мол, укатала тебя молодка! Но вместо этого, опускается с ним рядом на пол, прижимает к груди седую покающую голову и говорит, что прощает его, что так же любит, как прежде, когда им было по двадцать два...

Прошло пять лет, а сердечная боль не ушла. Каждый раз, увидев мужчину, похожего на Михаила, в груди сжималось, ноги подкашивались, а к глазам подступали слезы. Она не даст ему пасть на колени, она сама будет просить прощение за... За что? Наверное, есть за что, раз муж на сторону посмотрел...

Лишь бы вернулся. Старый, больной... Пусть заболит, это к лучшему, тогда молодайка бросит его, зачем ей такой мужчина? А Марьяне он очень, очень нужен! Она выходит его, отдаст частичку себя и все у них станет, как прежде...

Вчерашний день поставил жирную точку в ее мечтах. Ей все равно, обвинят ее в убийстве мужа или найдут настоящего убийцу. Пропала мечта. Утекла, как вода в песок.

Миши больше нет. Значит, и ее, Марьяны, больше нет...

Маша поднялась затемно. Быстро наготовила еды и стала собираться в город, у нее сегодня дежурство в клубе. Перед выходом заглянула в комнату матери. Та лежала, отвернувшись к стене, и на скрип двери не среагировала. Дочь постояла над ней, последила за ровным дыханием и на цыпочках вышла.

Уже на выходе у Марии закружилась голова. Она присела на табурет и привалилась к стене. В таком виде ее застал Василий.

- Машуня, что с тобой? – испугался он. Затарахтел чашками на кухне, выхватил одну и налил воды.

- Не волнуйся, Васенька, просто голова закружилась. От волнений. Наверное, давление подскочило. Лицо горит, а руки ледяные.

Терехов приложил руку ко лбу жены, затем схватил ее руки и стал дуть на них, словно она вернулась с мороза.

- Давай ты позвонишь на работу и попросишь, чтобы тебя подменили. – Васька переживал за Машу и боялся оставаться наедине с тещей. Но больше переживал, с тещей он как-нибудь справиться. А если за ней придет милиция, тьфу... , полиция? Что тогда делать?

Маша «прочитала» мысли мужа.

- Вась, никто к нам не нагрянет. Пока не установят, чьи останки были под малиновыми кустами, маму не... - она сглотнула. Сглотнула неприятное слово, которое никак не сочеталось с ее матерью.

- Но мы то знаем, кто был там, в яме... - муж присел возле жены на корточки и снова протянул чашку с водой. – Но это не значит, что Марьяна Михайловна... могла поквитаться с обоими.

- Она... не могла, - прошептала Мария и стукнула зубами по краю чашки. – Вась, что-то мне совсем нехорошо...

- Какое лекарство тебе дать? - забегался вокруг нее мужчина, не зная, как помочь. – Может, валокордину? – он знал, что у тещи есть, она все недуги лечит валокордином.

- Ладно, накапай, - еле слышно согласилась женщина. Ее лицо из багрового стало пепельно-серым в одно мгновение. Васька дрожащими руками плеснул в стаканчик лекарство, особо не отсчитывая капли, и протянул жене. Она выпила, поморщилась, замерла и рванула по направлению к ванной.

Мужчина бросился за ней, но заходить не стал. Уперся лбом в дверь и слушал, как мучается его всегда здоровая жена. Когда звуки прекратились, он поскребся и стал ждать ответа. Дверь открылась и, пошатываясь, вышла зеленая Мария, которая за последние полчаса трижды поменяла цвет лица. Увы, он был так не похож на привычный...

Васька обнял ее за талию и повел в спальню.

- Я сам позвоню на твою работу и все объясню.

- Нет, я немного отлежусь и поеду, - заупрямилась Маша.

- Тогда я поеду с тобой. Заедем в клуб, а потом сразу домой. Вызовем участкового терапевта.

- Но мы не можем бросить маму.

- И то верно. – Василий дотащил жену до кровати, - сейчас я тебе дам горячего чая.

- Я не хочу, вдруг снова вывернет.

- Не понимаю, чем ты могла отравиться? – пожал худенькими плечиками «карманный» мужчина. – Вчера мы ели одно и то же... Маш, может, ты... это... беременна? – с надеждой спросил он. Если все так, как он предполагает, то, во-первых, будет установлена причина недомогания, а, во-вторых, сбудется мечта, которая уже казалась несбыточной.

У кого-то мечта едва забрезжилась, как утренний рассвет, а у кого-то ушла и не оставила надежды...

Жена напряженно задумалась, подсчитывая что-то в уме.

- Раньше с тобой никогда... такого не было, - продолжал размышлять вслух муж.

- Вась, может и вправду? – с надеждой спросила Мария после недолгих мысленных подсчетов. – Я в последнее время все думала-думала, переживала, и кое-что упустила... У меня уже неделю по утрам голова кружится и подташнивает, но я не обращала внимания. Думала, весна, авитаминоз...

- Эх, ты, Авитаминоз мой любимый! – Василий прижал к себе жену. – Какое счастье! – С чувством произнес он. Хотел продолжить, но понял, что еще одно слово и он разрыдается, как маленький мальчик.

- Вась, но как же теперь быть... Папу нашли и мама... под подпиской о невыезде.

- Папу жаль, конечно, а мама ни в чем не виновата! – уверенно заявил Терехов. – Марьяна Михайловна только с виду грозная, а так и паука не обидит.

- Это точно. Она добрая, - шмыгнула носом Маша, призадумалась, а после заявила, - как все переплетено: и счастье, и горе.

- Когда на хорошего человека обрушивается несчастье, ему для поддержки подкидывают приятную новость. Она не затмит горе, но поможет его пережить. – философски рассудил Василий. – Это, как костыль для хромого.

- Значит, я хороший человек?

- Без сомнений!..

Поутру в окно дома, где жил участковый Степаныч, кто-то быстро застучал, как частые дождевые капли по стеклу. Мужчина давно бодрствовал, сидя за третьей чашкой крепкого чая и размышляя о вчерашней находке.

Отдернув занавеску, он увидел растрепанную Зинку, подругу Клавдии, проживающую в городе.

- На ловца и зверь бежит, - заметил участковый, распахивая дверь перед ранней гостьей.

- Матвей Степаныч, как же так? – со слезами на глазах спросила Зинаида, - я только приехала и сразу узнала новость... Неужели, и вправду Клаву нашли вместе с соседом?

- Вот, деревня, и радио не надо! – покачал головой участковый. Хотел по привычке сдвинуть несуществующую фуражку, но лишь пригладил волосы. – Проходи! – приказал он. – Это хорошо, что ты приехала, а то я не знал, где тебе искать.

Ватрушкина опустила на стул и не сводила затравленного взгляда с хозяина.

- А... зачем меня искать? Вот она я. Или... Вы... меня в чем-то подозреваете?

Матвей Степаныч напустил загадочный вид.

- Пока не установлено, кто был погребен на участке Марьяны Михайловны, никого мы не подозреваем.

- Но... мне сказали, что нашли медальон, который принадлежал Медведеву.

- А что тебе еще сказали? Может, поделишься со следствием?

- Так это... - свела брови на переносице Зинка, вспоминая рассказ главного собирателя новостей, коим являлась вездесущая тетка Груня. – У него рубаха в клетку, как у Михаила Ильича и две золотые коронки в верхней челюсти.

- Про рубаху я слышал, это не довод, у меня таких рубах полон шифоньер. А про коронки я впервые слышу. – оторопел участковый. Он догадался «откуда ветер дует». – Что же получается, вдова поделилась с Груней, а с нами забыла.

- Ни с кем она не делилась, они промеж собой разговаривали, а тетка Груня... случайно услышала.

- Мне бы ее слух, – рассердился не на шутку Матвей, - сидел бы дома и знал, о чем на другом конце деревни болтают.

Ватрушкина сжалась на стуле, даже ростом меньше стала, хотя, и была «клоповидной», полтора метра без каблучков и ходулей.

- Ты не сердчай, что я разошелся, - попытался умерить фонтан недовольства участковый. – Я пока не знаю, Клавдию мы нашли или нет, но сердце подсказывает, что ее... Ведь, я вас обеих вот с таких знаю, - Степаныч показал ладонью расстояние от пола, которое равнялось менее двадцати сантиметров. Вы все для меня, как дочери.

Своих детей у пожилого мужчины не было, жена погибла много лет назад, а он так и остался бобылем...

- Матвей Степаныч, а когда мы узнаем,... она это или не она? – спросила Зина, затем скривила губы и беззвучно заплакала, словно уже получила положительный ответ на вопрос.

- Черт его знает, - выругался участковый. Экспертиза дело долгое.

- Но можно определить по каким-то приметам, - прогундосила Ватрушкина.

- Какие там приметы, - отмахнулся Матвей, - череп, да кости.

- А... по костям? Помните, Клавка когда-то упала с дерева и сломала ногу в нескольких местах. Долго не срасталось, она полгода на костылях ходила, пока ее не направили в областной центр, там сделали операцию и вставили какой-то стержень. Титановый, кажется.

- Молодец, Зинаида! – похвалил участковый.

Приободренная похвалой Ватрушкина набралась наглости и задала вопрос, который ее тревожил.

- Матвей Степаныч, а можно установить, как их убили. Клаву и Михаила Ильича.

- У обоих проломлены черепа острым предметом, - выдал тайну следствия участковый.

- Каким предметом? - дрожащим голосом поинтересовалась Зинка.

- Скорее всего, топором... Но ты мне другое расскажи, милая девица, когда тебе звонила Клавдия и что сказала? Дословно. – Степаныч быстро преобразился: из пожилого разговорчивого хозяина дома стал серьезным стражем порядка. В его руке непонятным образом оказалась ручка, а на столе стопка бумаги.

- Это когда бы-ы-ыло, - протянула Ватрушкина, - пять лет, уж, прошло.

- Но она тебе точно звонила?

- Звонила... А Медведева говорила, когда их застучала?

Участковый скривился от жаргонного словечка, но воспитывать не стал. Назвал дату, которую ему указала Марьяна. Она хорошо запомнила тот злополучный день.

- Так, так, так, - затараторила Зинаида, приминяя день пятилетней давности. – Кажется, была суббота. У меня был выходной, с утра ходила на рынок, потом занималась уборкой, готовила обед, а вечером смотрела телевизор. Тогда мой любимый сериал шел, его только по субботам показывали. И... позвонила Клавка... Сказала, уезжаю я, Зинка, а куда, не знаю. Но с любимым мужчиной, хоть, на Север, хоть, в Африку.

- Это была ее излюбленная фраза, - подтвердил участковый, записывая показания на бумаге.

Ватрушкина проигнорировала реплику.

- А ты, подруга, приезжай завтра поутру, я тебе ключи передам, и станешь ты полноправной хозяйкой, пока я не вернусь. Или пока покупатель на дом не найдется.

- Так она хотела продать дом?

- Откуда я знаю. Я Вам повторяю, что Клавдия сказала.

- А с какого телефона она тебе звонила, не обмолвилась? Мобильника у нее не было.

- Зачем ей мобильник, если у соседа есть телефон, у Мирона Силыча, он ей никогда не отказывает.

- Теперь мы никогда не узнаем, приходила к нему в тот вечер гражданка Перивертайло или нет.

- Почему? – удивилась Ватрушкина.

- Помер дед Силыч на прошлой неделе...

- Дела, - подытожила Зинаида. – Еще есть телефон у Вас и у... Медведевой. Но к ней она бы точно не пошла.

- Стопроцентно не пошла, - подтвердил Матвей Степаныч. – И ко мне не приходила.

- А к чему эти пустые разговоры?! Если Клавка звонила мне, то от Силыча.

- А кто подтвердит?

- В смысле? – замотала головой Ватрушкина. Участковый даже испугался, что она отвалится.

- Это ты говоришь, что она тебе звонила, а на самом деле уже лежала с проломленным черепом. – при этих словах Зинаида дернулась, как от удара. – Ведь, поутру ты Клавдию не застала.
- Подзадержалась я маленько, проспала первую электричку. А они с Михаилом Ильичом, видно, спешили уехать из деревни затемно... Я так подумала, не застав их дома.
- А ключ тебя дождался под половицей, - заключил Матвей Степаныч.
- Ага, - подтвердила женщина.
- И в доме была чистота и идеальный порядок.
- Куда там, все перевернуто верх дном. Впопыхах подруга собиралась. Вещи разбросаны, на столе после завтрака не прибрано...
- Или после ужина. – перебил Степаныч, чувствуя, что завтракать хозяйке дома уже не пришлось. – Однако, на Клавдию это не похоже. Она поддерживала в доме идеальную чистоту. Тебе не показалось это странным?
- Станным мне показалось другое: зачем она матрас с кровати с собой прихватила? Помните, она себе незадолго до отъезда кровать купила... - Зинаида разом сникла. – Я думала, она живет где-то в любви и согласии. А она...
- Ну-ну, успокойся, - похлопал ее по плечу участковый. – Расскажи про матрас. Ватрушкина еще пошмыгала носом и продолжила.
- Я еще пошутила, что она для нового кавалера плацдарм боевых действий приготовила. Красивая такая кровать, современная...
- И с новой кровати исчез матрас, - подтолкнул Матвей.
- Может, украл кто-нибудь, - предположила женщина.
- Влезли в дом, ничего ценного не нашли и решили прихватить матрас, - хмыкнул Степаныч.
- Мало ли идиотов на свете... Например, Придурок.. Ой, Матвей Степаныч, так это он убил Клаву и Михаила Ильича. Залез ночью в дом и стукнул одному и другому по темечку... А потом закапал на участке Медведевой.
- И по истечении пяти лет указал место захоронения.
- Почему, нет? – неуверенно пробормотала Ватрушкина.
- Оставим пока Анатолия Кролла в покое, – постарался говорить спокойно участковый. – Зина, ты, как подруга Перивертайло, должна знать о ее знакомых. Я имею в виду мужчин, с которыми она была близка, и которые получили от нее отставку.
- Клавдия про отставки не рассказывала. Это Вам лучше у тетки Груни спросить.
- Мне не нужны домыслы. – отрубил Матвей.
- Но если у нее был тайный воздыхатель, который добивался ее благосклонности, но соседи его бы непременно... засекли.
- А тебе бы Клава обязательно похвалилась, что за ней увивается мужчина, а она дает ему отворот-поворот.
- Вот! Вы сами ответили на вопрос! Не поделилась, значит, он не существовал! - Пораскинув мозгами, добавила, - или существовал, но... был неподходящей партией.
- Ты думаешь, обладал непривлекательной внешностью? Или неадекватным поведением?
- Убогий какой-нибудь? – догадалась, куда клонит участковый, замученная допросом Ватрушкина. – Опять же, все дороги ведут к Придурку!
- Сдался тебе этот Толян! – возмутился Степаныч. – Стар он для Клавдии.
- Он помоложе Медведева будет...
- Но выглядит старше! – пресек дальнейшие нападки на Кролла участковый. - А что тебе Клавдия про Михаила Ильича рассказывала?
- Почти ничего. Но при одном упоминании его имени, вся начинала светиться, словно внутри фонарь зажгли. И твердила, как заведенная, что таких мужчин не бывает. И что же мне делать, Зинка? Не могу больше отталкивать его... И снова: таких не бывает! Ой,

упущу я свое счастье... Видно, Медведева, тоже не пожелала отдавать свое счастье в чужие руки... Так, не доставайся, ты никому! – театрально вскинула она руку.

- Так, понятно, у тебя есть две кандидатуры на подозрении – Анатолий Кролл и Марьяна Медведева. Теперь забыли о них, и пошли дальше. А если ты снова начнешь бубнить, я подумаю, что, указывая на них, ты отводишь подозрение от себя.

- От себя? – задохнулась женщина и стала хватать ртом воздух, как выброшенная на берег озера русалка. – Но... как... Вы могли подумать, будто я... И зачем?

Матвей шмякнул об стол стаканом с водой. Та схватила его двумя руками и стала жадно пить.

Участковый смотрел на нее и, словно видел в тумане. Его что-то смутило в разговоре, но что? Поведение или фраза? Или все вкупе? Или прорывающееся жалкое актерство?

- Подведем итоги! - серьезно констатировал Степаныч, дождавшись наполнения воздухом легких мнимой русалки. У настоящей, если она существует, наличествуют жабры, как у рыб. Может, она и подруга мнимая? – резанула мысль в голове опытного милицейского. Таких людей, как Матвей Степаныч, неловко называть полицейскими. Не вяжется, как-то... Мысль потащила за собой новые открытия: Мнимый звонок, который мог подтвердить только умерший на прошлой неделе Силыч, надуманные наскоки на вдову и местного сумасшедшего... А не кроется ли за всем этим старая обида на подругу, которая подобна спящему вулкану, вырвавшемуся наружу, едва перед одинокой и несчастной в любви Клавдии замаячило простое человеческое счастье, которое собиралось строиться на чужом несчастье. Ладно бы на несчастье обманутой жены, а то ведь на зависти и дремавшей доселе ненависти мнимой подруги. И не было никакого звонка. Вернее, он был, но на сутки раньше. Клавдия могла поделиться с Зинаидой радостью, что завтра идет на свидание в дом любимого мужчины, который давно добивался ее благосклонности... Стоп! Мысленно приказал себе Матвей. – Ватрушкина что-то сказала про благосклонность и меня зацепила фраза. Она покорила меня несоответствием образа простушки и вложенной в ее уста заумного высказывания. – Степаныч «прокрутил» назад пленку разговора... «Но если бы у нее был тайный дыхатель, то соседи его бы засекли»... Начало не соответствует привычному изложению Зинаиды. Потом она опомнилась и вставила «засекли», пытаясь растворить в нем вырвавшуюся заумность... Мнимая подруга оказалась мнимой простушкой и плохой актрисой, которая не могла вспомнить события пятилетней давности, а затем вдруг вспомнила в мельчайших подробностях. И про уборку с готовкой, и про сериал... Роль забитой городской жительницы, корнями закопавшейся в деревенской земле, почти удалась. Почти. Если бы не «ловящий каждое слово на лету» пожилой мужчина, облаченный по-домашнему в синие треники и майку... Прикид сыграл с женщиной злую шутку, она расслабилась и забыла, с кем имеет дело...

А теперь мы поиграем «в кошки – мышки»...

- Зин, что мы все о неприятном прошлом... Ты расскажи, как живешь, как работа? Как Вадим?

- Живу, не тужу. – беззаботно заявила женщина. – Работаю на кондитерской фабрике, а с Вадимом мы давно расстались.

Шесть лет назад Ватрушкина закрутила роман с Вадимом Змейкиным. Любителем острых ощущений, которые выливались в умеренном саногонолюбии и следовавшим за ним безмерном вселюбии. А так как одиноких женщин в Клюквино было предостаточно, то ежедневные возлияния заканчивались пробуждением в чужой постели. Жене Змейкина надоели «заглядывание в бутылку», а измены еще более, и она указала четкое направление, по которому следует идти супругу, тот послушно пошел, устав от нравоучений. Душа потребовала понимания и ласки. Вадим не узнал конечной точки указанного направления, был перехвачен по дороге Ватрушкиной, распахнувшей свои объятия и двери собственного дома перед получившим отставку мужчиной. Вскоре

Змейкин уговорил Зинаиду продать дом и уехать в город. Она беспрекословно подчинилась.

С тех пор Вадима никто в деревне не видел. Зинка часто навещалась к подруге, но без сожителя. Говорила, что он не хочет никого видеть, что все у них хорошо, но глаза твердили обратное. Тусклый взгляд больше подходил обманутой женщине, а не счастливице, нашедшей свою половину. Тетка Груня терзала расспросами Клавдию, но та лишь отмахивалась и заявляла, что сама ничего не знает о ее житье-бытие. Визиты Ватрушкиной в Клюквино становились все реже, чаще в ней моталась Клавдия.

- И чем же Змейкин занимается? – невзначай поинтересовался Матвей Степаныч.

- Откуда я знаю?! – взвилась женщина. – Он давно в другом городе живет!

- Где, не подскажешь? – участкового удивила реакция Ватрушкиной.

- Не интересуюсь!- Зинка еле сдерживалась, чтобы не послать подальше любопытного служаку.

Эка, тебя родимая, проняло! – подумал Степаныч. – Чем же тебе насолил бывший кавалер?.. Мужчина с интересом рассматривал мнимую русалку, которая снова стала задыхаться, сама налила воды из-под крана дрожащими руками и одним махом осушила. Причем движение было настолько привычным, что хозяйину пришла в голову мысль: А не заразил ли своим пристрастием Вадим эту худенькую женщину? Или сама пристрастилась после расставания... Или после совершенного преступления? Пыталась заглушить страх? Но откуда в таком худосочном теле силы для удара топором? Повидавший немало невероятных случаев на своем веку, Матвей ничему не удивлялся. Силы человека преумножаются в минуту опасности и в минуту гнева. Но чем разгневала Зинаиду подруга? Камнем преткновения мог быть только Вадим Змейкин. Не Медведев же, который появился в Клюквино после отъезда Ватрушкиной.

Надо найти ее бывшего сожителя и расспросить...

- Зина, мы сейчасждеждем следователя из города и вместе осмотрим дом Клавдии, - заявил участковый, который перед этим налил госте чай, выставил сдобу, а сам уединился в соседней комнате и связался по телефону со следственным отделом, подробно изложив вновь открывшиеся обстоятельства.

- Тогда я пойду, приберусь, а Вы...

- Вместе пойдем, пей чай. – пригвоздил ее к стулу приказным голосом Матвей.

Приехавший следователь напомнил Степанычу розыскную собаку, взявшую след. И глупая по роли Зинка сразу поняла, что ее подозревают. Участковый был не рад, что выложил все по телефону, но иначе не мог, служба... Он быстро сориентировался, прихватил Зинку за локоток и доверительно сообщил, усыпляя бдительность, что следователь подозревает Медведеву, даже взял с нее подписку о невыезде. Словно этот шаг был подтверждением виновности Марьяны. Ватрушкина успокоилась и снова повторила рассказ о звонке Клавдии Перивертайло. И о матрасе.

- А где кровать? – удивился следователь, обращаясь больше к понятиям, чем к Зинаиде. Не надо говорить, что одной из понятий была вездесущая тетка Груня, а по паспорту Аграфена Кузьминична Стукова, которая взяла операцию под свой контроль, прихватив и руководящие функции.

- Ты почему кровать выбросила? – накинулась она на квартирантку, которую сама так окрестила.

- А зачем она мне без матраса? – начала оправдываться Ватрушкина. Присутствующие внимательно наблюдали за перепалкой, очищая зерна от плевел.

- Отдала бы мне, новый матрас купить не проблема! - сухошавая Груня сверлила взглядом Зинаиду. – Или ты хотела избавиться от следов? – «догадалась» всезнайка, любившая фильмы «про расследования».

- Чего ты несешь? – взвилась квартирантка.

- Я хочу сделать официальное заявление! – проигнорировав Ватрушкину, громко произнесла Аграфена Стукова. – Я видела Зинку в ту ночь, когда уехали, вернее мы думали, что уехали, - сбилась она с уверенного ритма, - а на самом деле их убили... Я имею в виду Клавку и Медведева. – И тяжело вздохнула, как после нелегкого труда.

- Ты... ты с ума сбрендила! – обалдела Зинаида, вытаращила глаза, поводила вокруг себя руками, будто вмиг ослепла, наткнулась на спинку стула, потянула на себя и мгновенно упала на него, как подкошенная.

Понятая была приглашена следователем за стол и дала показания, вспомнив, как видела ТОЙ ночью крадущуюся по улице Зинаиду Ватрушкину.

- Ты еще скажи, что у меня в руках был топор, - безразлично заметила упомянутая особа.

- И сама я была вся в крови...

- Чего не было, того не было, - заявила Груня, стукнув два раза ребром ладони по столу. – Я молчала до сей поры потому, что не было причины рассказывать...

- У тебя всегда найдется причина! – вставила квартирантка, пополнившая ряды подозреваемых в убийстве Перивертайло и Медведева, и обратилась к следователю, фиксирующему на бумаге каждое слово. – Вы ее не слушайте, она на ходу сочиняет! Если бы я, действительно, той ночью оказалась в Клюквино, об этом знала вся деревне. И моя ночная прогулка крадущимся шагом обросла бы такими подробностями, что любой детективщик позавидует. Я не имею в виду криминал, это я о своей личной непутевой жизни.

Степаныч, не участвующий в беседе, не выдержал.

- Зинаида, ответь мне на один вопрос: как ты провела пять последних лет? И кем ты работаешь на кондитерской фабрике? Только не лги, мы все равно узнаем.

- Мне скрывать нечего! – монотонным голосом сказала Ватрушкина. – Устала я, Матвей Степаныч, от непутевости. Решила изменить свою жизнь. Выбросить старый исписанный дневник и начать все заново, с чистого листа, будто родилась в тридцать с гаком лет... Поступила на заочное отделение, через месяц диплом технолога получаю. Начальство в меня поверило, уже два года работаю по специальности. Вадима выгнала давно, надоели его выкрутасы до чертиков!

- Но почему ты все скрывала?

- А кому нужны мои успехи? Никто бы не поверил, решили бы, что сочиняю, а доказывать и бить себя в грудь тошно! И зависти людской не выношу! Уж, лучше быть непутевой, мне так привычней.

- Зина, ты не права! – нравоучительным тоном начал участковый, но быстро сбился. – Девочка, я бы порадовался твоим успехам! – Он подошел к ней и ласково погладил по голове. Женщина уткнулась в него и разрыдалась. Пожилой мужчина сразу понял, что эти слезы искренние, без актерства...

- Не верьте ей, господин следователь! – перевела на себя внимание Аграфена. – Она... она лживая сволочь! Она... она той же ночью что-то жгла во дворе дома Перивертайло!

- Сейчас придумала? – вступился за подозреваемую Матвей.

- Не придумала, а вспомнила!

- Что же Вы еще вспомнили? – поинтересовался следователь, из речи которого исчез давешний запал. Он исподлобья зыркнул на Стукову, перевел взгляд на рыдающую женщину, при этом насупленное лицо разгладилось, как расправленное папье-маше.

- Она убила подругу и ее любовника, закопала их во дворе дома обманутой жены, вернулась в дом и стала уничтожать улики. Все вымыла – вычистила, и задумалась, что делать с матрасом, впитавшим в себя кровь невинно убиенных. Не нашла ничего лучше, как спалить его во дворе! - складно выговорила Груня, мгновенно восстановив в памяти события прошлого.

- Но внутри матраса пружины, он не сгорит без остатка, - напомнил Степаныч. Куда же она дела металлический остов?

- Закопала в огороде? – не задумываясь, ответила Стукова.
- Бред! – невесело хмыкнула Зинаида. – Зачем мне привлекать внимание кострищем посреди ночи? Я бы его сразу закопала и дело с концом.
- А вдруг бы стали перекапывать огород и нашли матрас со следами крови?
- Кто бы нашел? – вскинулась Ватрушкина. – Кроме меня в огороде никто не возится, да и я занимаюсь этим без энтузиазма, для своего удовольствия.
- Новые собственники!
- А кто имеет право продать чужой дом в отсутствие хозяйки?
- Кто-нибудь имеет, - промямлила Груня и умолкла.
- А вот это уже интересно, - протянула Зинка, смахнув остатки влаги со щек, и повернулась к притихшему участковому. – Матвей Степаныч, нужно установить, есть ли у Клавдии родственники. Пусть дальние, которые могут претендовать на наследство... А что? Дом у нее приличный, можно хорошие деньги выручить...
- Выясним, - кивнул мужчина.
Из соседней комнаты показался криминалист и сказал, что на стене в спальне у самого плинтуса есть несколько вылинявших бурых пятен, и можно достоверно определить, что это за пятна.
- Я не сомневался, что Медведева и Перивертайло убили в этом доме, потому и матрас исчез. – заявил следователь, странно посматривающий в сторону квартирантки.
- Знаете, что меня удивило в тот приезд, - задумчиво произнесла Зинаида, не замечая пристального взгляда, - все было вверх дном, а дощатые полы были тщательно вымыты, особенно в спальне. И нигде ни пылинки. Создалось впечатление, что Клавка спешила, вещи второпях собирала, но напоследок успела выдраить пол, позабыв убрать в шкаф ненужные предметы туалета.
- А вы проверяли, вещи все на месте? Может, убийца создал искусственный беспорядок, создавая иллюзию спешного бегства? - спросил следователь. Интерес к этой худенькой женщине с испуганными глазами рос, как снежный ком, несущийся с горы. Еще немного и лавина накроет мужчину с головой. А не пора ли спасаться, - мелькнула хвостом мысль и сразу исчезла за углом. Он знал, надо быть бесчувственным, но как успокоить внезапно затрепетавшее сердце, о наличии которого в левой части груди он знал, но не концентрировал внимание? Сердце жило отдельной жизнью, соблюдая привычный обряд перекачки, и не реагируя на окружающих. Оно было глухо, бесчувственно и холодно-безразлично, как автоматический насос, уже сорок лет...
- Проверяла, - сообщила Ватрушкина, не подозревающая о революционных процессах, происходящих в организме серьезного следователя, и перечислила отсутствующие вещи, вспомнив про дубленку, купленную Клавдией, и так ни разу не надёванную.
При этих словах Груня подскочила на стуле.
- Да, откуда дубленке взяться? – взъерепенилась она. – У Клавки таких деньжищ никогда не было. Если бы она ее купила, то об этом вся деревня знала!
- Купила она ее весной, когда хорошие скидки были. Она приехала ко мне в город, мы вместе ходили за покупкой. Клавдия еще сказала, что не станет рассказывать односельчанам, подождет до зимы, а уж, когда холода грянут, наденет обнову и пройдет с важным видом по улице, чтобы все позавидовали. Вы же помните, Матвей Степаныч, она любила устраивать представления.
- Помню, еще в детстве организовывала ребят и ставила спектакли. Думал, артисткой станет... Или режиссером... - Он обратился к следователю. – Может, там, в яме, нашли не Клавдию? – он кивнул в сторону дома Медведевой.
- Экспертиза подтвердила, что это гражданка Перивертайло. По титановому стержню в правой голени. И не только... - распространяться он не стал. – С вас, Зинаида Петровна, не сняты подозрения... Без алиби мы...

- Алиби! - перебила его Ватрушкина. – Ко мне в тот день заявился Вадим, он был навеселе, посидел, поныл, я не выдержала и выставила его за дверь. Он сначала на лестнице сидел, потом вышел на улицу и давай взывать к моей совести. Дескать, он меня одну любит, а я такая-растакая не желаю этого признать! В общем, концерт по заявкам радиослушателей.

- Вряд ли кто-то из жильцов запомнил, когда состоялся незапланированный концерт, - разозлился следователь, которому не понравилось, что какой-то Вадим признавался в любви этой женщине с испуганными глазами. – Про само развлечение для окружающих еще кто-нибудь вспомнит, но про дату... Пять лет минуло...

- Вадька вспомнит, у него был день рождения! Тридцать пять тогда стукнуло. Все же круглая дата.

- Но он поразвлекал общественность и ушел, а нас интересует Ваше алиби на всю ночь. – напомнил недовольный мужчина.

- Так он полночи выяснял со мной отношения, а остаток пел серенады без аккомпанемента и взывал к моей сознательности. А я металась между комнатой и балконом, уговаривая его отправиться домой. С рассветом он уgomонился и ушел, я легла спать и проспала первую электричку... Вадим ко мне еще полгода ходил, измучил меня... Я была рада, когда он перебрался в другой город.

- Сейчас я быстро выясню, где живет Вадим Змейкин! – заявил следователь, на ходу нажимая кнопки на мобильном телефоне.

- Можете у его жены спросить, она говорила, что он исправно платит алименты, и недавно она ездила к нему вместе с детьми повидаться. Говорит, что бывший супруг остепенился, хорошо зарабатывает и хочет воссоединиться.

Матвей Степаныч смотрел на Зинаиду и диву давался: до чего же она изменилась, скинула шкурку малограмотной простолюдинки и превратилась в привлекательную умную женщину, хрупкую статуэтку с печальными глазами. Не поймешь этих женщин, зачем создавать о себе негативное мнение? – размышлял мужчина. – Столько лет живу, а все не могу понять прекрасный пол... А еще говорят, что я опытный и все замечающий... Все, да не все, иногда меня заносит не в ту степь...

Участковый поднялся.

- Я сейчас мигом слетаю к Змейкиной и приведу ее сюда.

Груня заерзала на стуле.

- До чего же некоторые имеют умным людям мозги пудрить! - она зло взглянула на Ватрушкину. – Коленки выставят перед мужиками, а те и слюни распустили. – Теперь ее прозрачный намек адресовался следователю, меряющему шагами комнату.

- Вы, Аграфена Кузьминична, неприязненно относитесь к Зинаиде Петровне. Это наводит на подозрение.

- На какие такие подозрения! – вспыхнула она. На щеках зажглись два красных неровных пятна, как у туберкулезника в период обострения.

- Вы лучше помолчите, чтобы после не раскаиваться за оскорбление государственного лица, находящегося при исполнении.

Груня сникла и отвернулась. Мужчина посмотрел на вторую понятую, маленькую старушку, придремавшую на стуле у входа, и незаметно улыбнулся Зине поддерживающей улыбкой. Она опешила, просветлела и улыбнулась в ответ.

Вскоре появился Матвей Степаныч вместе с растерянной кареглазой женщиной в спортивных штанах и футболке, обтянувшей крепкую грудь, с изображением губастой красоти.

- Вот, - указал на нее участковый, - это Надежда Змейкина.

- Да, я могу дать номер телефона Вадика, но зачем он Вам, - перебила его женщина с воинственным видом. Красотка на ее груди извилась подобно змее, а губы сложились в трубочку.

- Мы должны ему задать один вопрос! – тоном, не терпящим возражений, сказал следователь. Надя поняла, в чьих руках сосредоточилась власть и не стала упрямиться...

Роль переговорщика взял на себя Степаныч, заявивший, что недоверчивый Вадим Змейкин с ним легче пойдет на контакт. Оба мужчины вышли на улицу, а в комнате воцарилась натянутая грозовая тишина.

Участковый разговаривал по мобильнику следователя, а сам хозяин телефона прохаживался рядом, мешая своими метаниями переговорщику. Заметив его недовольный взгляд, он отошел подальше, замерев у забора. Перед ним, как на ладони, предстал соседний двор.

Зять хозяйки пропалывал и без того ухоженные грядки, а две женщины, пожилая и молодая, сидели, обнявшись на крылечке и наблюдали за ним. Почувствовав на себе взгляд, они встрепенулись и осмотрелись, заметили человека, терзавшего вчера вопросами и, не мигая, уставились на него в ожидании.

Сегодня это был не вчерашний служака без чувств и понимания, желающий наказать любого, даже невинного, лишь бы закрыть дело.

Сегодня он увидел голубое небо, яркое весеннее солнце, зеленую шелестящую листву. Перед ним открылся новый мир. Мир желаний и наблюдательности. Он заметил обращенные к нему взгляды женщин, почувствовавших приближающуюся опасность, и распрямившего спину невысокого мужчину, в глазах которого появилась отчаянная решительность, как у жоака стаи, способного ее защитить.

Следователю захотелось их успокоить, чего раньше никогда не было. По-человечески улыбнуться доброй приветливой улыбкой и помахать рукой... И улыбка, и жест скажут им многое...

Он искренне улыбнулся и махнул рукой.

И напряженное ожидание испарилось... Так приветствовать могут люди, которые относятся к тебе по-дружески и без камня в кармане, готового ткнуть тебе в спину, когда ты отвернешься...

- Ну, все поговорил, - возле преобразившегося человека вырос участковый. Он проследил за взглядом следователя, заметил Медведеву и ее дочь и тоже поприветствовал их многозначительным кивком головы. – Вадим подтвердил слова Зинаиды. Он хорошо запомнил тот день, хотя, и был навеселе, но не в той стадии, когда маму родную забываешь.

- Отлично! – еще больше повеселел некогда хмурый мужчина. – остается найти настоящего убийцу, - спокойно заявил он. Чересчур спокойно. Матвеем показалось, что тот уже обо всем догадался. Но следующие слова «смыли» замаячившую радость в душе Степаныча. – Нужно найти наследника Клавдии Перивертайло.

- Легко сказать, - вздохнул участковый, сдвинул фуражку на лоб и привычно почесал затылок. - Родители Клавы давно померли, братьев – сестер не было, про теток и дядьев не знаю, но на моей памяти никто у нее не гостил.

- Этот человек живет в Клюквино! Он был в курсе амурных дел Перивертайло, выждал удобный момент и убил родственницу.

- Но почему до сих пор не вступил в права наследства?

- Клавдию не считали погибшей. Как этот человек мог заявить о своих правах на дом?

- А как можно убить двух людей, которые спокойно спали и не подозревали, что смерть притаилась за порогом. За какой-то дом!

- Вы, Матвей Степанович, столько лет в органах, а не перестали удивляться человеческой жестокости!

- Может, это к лучшему. Значит, не очерствел душой.

Они направились к дому, который вероятнее всего стал причиной убийства Перивертайло и ее любовника.

- Злыдня ты, тетка Груня! – донеслось до них. – И врушка! – Вошла в раж Надежда Змейкина. – Ходишь по деревне, сплетни собираешь, а заодно и побираешься, там пирога кусок, там помидор – огурец, а всем тебя жалко, потому как ты малоимущая и несчастная! Да на тебе пахать надо! Не прикидывайся старой и больной! Тебе еще и шестидесяти нет! Ты свои десять соток сама обрабатываешь, и еще на рынке стоишь, за каждую копейку торгуешься... И бедной не прикидывайся! Видела я как-то тебя во дворе, зимой еще... Нацепила красивую дубленку и расхаживает... Туда-сюда, туда-сюда. Как пава. Спрашивается, чего разгуливать темной ночью по двору, когда тебя никто не видит?

- Потому и разгуливала ночью, чтобы никто не заметил дубленку, принадлежащую Клавдии Перивертайло, которую она так и не успела надеть. – В дверях выросла могучая фигура следователя в компании с участковым. – Кем она Вам приходилась?

Стукова растеклась на стуле, словно груз, висевший на ней многие годы, окончательно раздавил ее.

- Троюродной племянницей... Одна я у нее была, а она всех облагодетельствует, а про меня забудет. А жизнь какую вела! С мужиками женатыми путалась.

- Это не Вам судить! – мужчина достал из папки чистый лист бумаги, ручку и положил перед Аграфеной, - пишите чистосердечное признание...

И она написала, как ненавидела родственницу, как завидовала ей, как однажды бессонной ночью представила, как Клавдии больше нет. Будто и не было... А большой кирпичный дом достался ей, троюродной тетушке. Она сидит перед окном такая расфуфыренная и пьет пахучий чай...

Все разошлись. Остались только он и она.

- Как тебя зовут? – спросила женщина.

- Саша. Александр. – ответил мужчина.

- Александр и Зинаида, - «попробовала» она на вкус сочетание их имен.

- По-моему, звучит в унисон, - улыбнулся он и прижал ее к себе. Маленькую, хрупкую, растворившуюся в его объятиях...

Май 2011 года.

г.Ростов-на-Дону